

“К

огда я вспоминаю о родине, — признавался Иван Бунин в 1930-е годы, — передо мной, прежде всего, встает Орел, затем Москва, великий город на Неве, а за ними вся Россия». И не думайте, добавлял он, «что я славословлю Орел оттого, что стар, что влачу долгие годы на чужбине, что мне близок этот город по воспоминаниям юношеских лет. И то правда, в Орле вышла первая книга моих стихотворений, там я печатал в орловской губернской газете перевод «Песни о Гайавате». Там постиг Родину, проникся ее красотой, там любил, там слагал о ней стихи...»

Губернский Орел конца XIX века запечатлен в письмах и многих художественных произведениях Бунина. Как отмечает современный исследователь Ирина Волкова, «автобиографические факты, связанные с орловским периодом жизни Бунина, дали писателю богатый материал для творчества». Однако выскажем предположение, что проза Бунина вовсе не является неким городским путеводителем, зеркальным отражением былого. В художественном произведении реальность преломляется под определенным углом: Бунин «не воспроизводит мир, а пересоздает его по-своему» (В. Ходасевич).

Орел в «Жизни Арсеньева» Бунина выступает в разных ипостасях. По отношению к столицам (Москва и Санкт-Петербург) он является провинцией, по отношению к сельской местности (усадебам) — губернской столицей. Для Бунина тема провинции и провинциала —

Иван Бунин в начале
литературной деятельности.
1889 г.

своя, родная. События воспроизводятся и очевидцем, и сквозь даль памяти повествователя. Память дает ему возможность быть относительно независимым от тех перемен, которые порождены не только течением времени, но и революцией. Память лежит в основе особой, авторской реальности романа: это воспроизведение прошлого, исповедь, поминовение, попытка осмыслить роковые ошибки, понять характер народа.

Каким представлял себе Орел автор, еще не будучи в этом городе? Вот строки из романа: «уже одним тем удивителен, что там, вдоль вокзала, — великий пролет по всей карте России: на север — в Москву, в Петербург, на юг — в Курск и в Харьков, а главное — в тот самый Севастополь, где как будто навеки осталась молодая отцовская жизнь...» Обыденная, незамысловатая картина раскрывает дух губернского города: «...взад и вперед шли с говором, смехом и огоньками папирос гуляющие, напротив, в больших домах, были открыты окна, а за ними видны освещенные комнаты, люди, сидящие за чайным столом или что-то делающие, — чья-то чужая, манящая жизнь...»

Особая сторона городского бытия — мелкое

производство, торговля. Бунин показывает читателям улицу «со всякими старыми складами и амбарами, скобяными, железными, москательными и колониальными лавками и вообще всем тем грузным обилием благосостояния, от которого ломились тогда русские города».

Однако город — это не только пространство для торговли и времяпрепровождения праздной публики. В эпизоде с посещением квартала под названием «Дворянское гнездо» Бунин обозначает органическую связь губернского города с дворянской Россией, с литературой золотого века: «И мы пошли куда-то на окраину города, в глухую, потонувшую в садах улицу, где, на обрыве над Орликом, в старом саду, осыпанном мелкой апрельской зеленью, серел давно необитаемый дом с полуразвалившимися трубами, в которых уже вили гнезда галки. Мы постояли, посмотрели на него через низкую ограду, сквозь этот еще редкий сад, узорчатый на чистом закатном небе... Лиза, Лаврецкий, Лемм... И мне страстно захотелось любви».

Автор не забывает напомнить читателю об относительно небольшом пространстве города, затерявшегося среди бескрайних степей: «Я пошел по городу. Сперва, как вчера, вниз по Болховской, с Болховской по Московской, длинной торговой улице, ведущей на вокзал, шел по ней, пока она, за какими-то запыленными триумфальными воротами, не стала пустынной и бедной, свернул с нее в еще более бедную Пушкинскую слободу, оттуда вернулся опять на Московскую».

Важно отметить, что в основе романа «Жизнь Арсеньева» лежит концепция бытия человека — его извечное странничество и «бездомье». В «городе» нет топоса «дом» (это подчеркивает неустроенность и дисгармонию), есть лишь некие заменители: гостиница, редакция и далее — вокзал, церковь, библиотека, театр. Обратим внимание, прежде всего, на зеркальное изображение библиотеки и церкви.

«Я заходил в библиотеку. Это была старая, редкая по богатству библиотека.

Но как уныла была она, до чего никому не нужна! Старый, заброшенный дом, огромные голые сенцы, холодная лестница во второй этаж, обитая по войлоку рваной клеенкой дверь. Три сверху донизу установленных истрепанными, лохматыми книгами залы. Длинный прилавок, конторка, маленькая, плоскогрудая, неприветливо тихая заведующая в чем-то черненьком, постном, с худыми, бледными руками, с чернильным пятном на третьем пальце, и запущенный отрок в серой блузе, с мягкой, давно не стриженной мышиной головой, исполняющий ее приказания... Я проходил в «кабинет для чтения», круглую, тухнущую угаром комнату с круглым столом посередине, на котором лежали «Епархиальные ведомости», «Русский паломник»... я спрашивал «Северную пчелу», «Московский вестник», «Полярную звезду», «Северные цветы», «Современник» Пушкина... В этой комнате я, помню, впервые прочел Радищева — с большим восхищением. «Я взглянул окрест — душа моя страданиями человечества уязвлена стала!»»

В том же стиле дается описание храма: «Тут тоже было что-то никому не нужное. Пусто, сумрак, огоньки редких свечей, несколько старух, стариков. За свечной кассой стоит церковный староста, неподвижный, истовый, с мужицким прямым рядом в серых волосах, поводит глазами с торговой строгостью». О священнике: «видно, как глубоко надоело ему все это наше непонятное земное существование и все таинства его: крещения, причастия, венчания, похороны и все праздники, все посты, из году в год идущие вечной чередой. Священник... со вздохом возвышает голос, отдающийся в грустном, покаянном сумраке, в печальной пустоте: “Господи, владыко живота моего...”»

В обоих описаниях — ощущение пустоты, ненужности, бессмысленной цикличности (периодические издания — вечная череда церковных таинств). И там, и здесь присутствуют пожилые, не вызывающие симпатии «обитатели» (библиотекарь, церковный староста, священник). Подчеркнем, что описание библиотеки отнюдь не мемуарное, это важный акцент в идейной схеме романа, указание на идейно-духовный кризис русского общества предреволюционных лет. Более того, сам Бунин в юные годы с восторгом и интересом отзывался о библиотеке в Орле, она многократно упоминается в письмах, без всякого негатива. Так Бунин вспоминал о своем реальном круге чтения тех лет: «Блос — «Французская революция», Шильдер — «Александр Первый», Трачевский — «Русская история», Мейер — «Мировоззрение и жизнь природы», Ранке — «Человек», Кареев — «Беседы о выработке миросозерцания»... В старых журналах находились любимые стихи, давно знакомых по сборникам, но тут напечатанных впервые, давали великую радость: тут эти строки имели особенную прелесть, казались гораздо пленительнее, поэтичнее по их большей близости к жизни их писавшего, по представлениям о том времени, когда он только что передал в них только что пережитое, по мнимому очарованию тех годов, когда жили, были молоды или в расцвете сил Герцен, Боткин, Тургенев, Тютчев, Полонский... и вот это время воскресало, — я вдруг встречал как бы в самую пору создания это знакомое, любимое...»

Тот же метод «понижения позитивности» использован автором в описании театра: театр в канве романа исключительно важен, он обозначает ряд проблемных узлов. Театр в «Жизни Арсеньева» — средоточие фальши и лицемерия. Автор пишет: «Вечером мы все были в городском саду, в летнем театре, — я сидел в полутьме рядом с Ликой, дружно наслаждаясь с ней всей той шумной глупостью, что шла и в оркестре и на сцене, на какой-то снизу освещенной площади, где, подхватывая плясовые грохоты музыки, топали в пол и стукались пустыми оловянными кружками хорошенькие горожанки и королевские латники». Еще цитата: «Она уверяла себя в своей страстной любви к театру, а я ненавидел его, все больше убеждался, что талантливость боль-

шинства актеров и актрис есть только их наилучшее по сравнению с другими умения быть пошлыми, наилучше притворяться по самым пошлым образцам творцами, художниками». Далее следует длинное гротескное описание актеров. Концерты и гастроли (а также, заметим, и губернские съезды, всевозможные заседания) в романе названы «соблазнами», которые «очень изменили нашу жизнь внешне — кажется, ни одного вечера не проводили мы дома. Незаметно изменяли, ухудшали и наши отношения».

Эта позиция автора романа явно не совпадает с содержанием его писем орловской поры. Судя по ним, «Эрмитаж» был любимым местом вечернего досуга: о спектаклях и концертах Бунин отзывался почти всегда позитивно, публиковал в газете рецензии, даже высказывал желание самому писать пьесу.

Усиливает негативный строй этих эпизодов и обязательное присутствие в театре, на концерте или на балу несимпатичных персонажей: «свирипых квартальных», «мужчин в чинах и формах», «сорокалетнего животного во всей его воинской сбруе», «высокого офицера в узких панталонах со штрипками» и т.д. Можно предположить, что эти образы (театр, соблазны, люди в погонах) введены в роман для того, чтобы читатель мог сделать вывод о причинах нежизнеспособности старого уклада и его краха во время грянувшей революции.

Еще одна ключевая точка в романе — вокзал (железная дорога в целом). Вокзал упоминается многократно (около 50 раз, впрочем, ровно столько же, сколько и слово «вагон», а вот паровоз — всего 20 раз, сочетание «железная дорога» — не более десятка упоминаний). Для сравнения: редакция и церковь — по 26 упоминаний, театр — 8, библиотека — 9, гостиница — 18, ресторан — 6, сад и усадьба — около 200 (столько же и «город»).

Вокзал — портал, связывающий героя как с родной усадьбой, так и со столицами, Крымом, со всем огромным миром. Но это не только портал, это символ новой эпохи — эпохи машин, которые начинают играть ключевую роль в жизни людей. Бунин дает описание паровоза: «Раздается раздирающий уши свист, откуда-то горячо обдаёт и окутывает ослепляющий пар, оглушает что-то вдруг загрохотавшее — и медленно тянет вперед... Как дико грохочет этот грохот потом, как все растет и растет наша сила, прыть, как все вокруг трясется, мотается, прыгает! Застывает, напряженно каменеет время, ровно трепещет по буграм с боков огненный, драконий бег».

В романе есть еще одно подобное этому описание — типографии («Машины были все в движении, мерно рокотали, взад и вперед катая какие-то темно-свинцовые доски под черными валами и валиками, мерно поднимая и опуская какие-то решетки, лист за листом откладывая большие бумажные листы, с исподу еще белые, а сверху уже покрытые как бы зернью черной блестящей икры, и от всех этих машин, рокот и шум которых сливался порой с перекрикивающимися голосами печатников и наборщиков, вяло пахучим ветром, крепкой и приятной вонью свежей краски, бумаги, свинца, керосина и масел — всем тем, что тотчас же стало для меня (и уже навсегда) таким особенным»).

Вокзал, железная дорога, работающий паровоз — все это символы неотвратимого, неумолимого движения вперед (как и типография, электризующая провинциальное общество новостями, идеями, фобиями и образами будущего).

Образам губернского города противопоставлены традиционная усадьба или ее миниатюрная модель — сад. Однако в провинции данное противопоставление не всегда ощутимо, порой кажется, что в городе время еще спит: «За площадью шли сплошные сады, тихие тенистые улицы, совсем утонувшие в них и заросшие густой травой. В такой же улице, в большом саду, стоял и тот длинный серый дом, где помещалась редакция. Я подошел, увидел полуоткрытую прямо на улицу дверь, дернул за ручку звонка... Он задрезбезджал где-то вдаль, но не произвел никакого действия: дом

казался необитаемым, как, впрочем, и все вокруг: тишина, сады, милое светлое утро губернского степного города...»

Мы видим среду, в которой формируется будущий художник: «я опять пытался погрузиться в обдумывание того, с чего надо начать писать свою жизнь. Да, с чего! Все-таки надо же прежде всего сказать, если уж не о Вселенной, в которой я появился в ее известный миг, то хотя бы о России: дать понять читателю, к какой стране я принадлежу, в итоге какой жизни я появился на свет». И далее: «Но мало того, — я ровно ничего не знаю даже о теперешней России! Ну да, разоряющиеся помещики, голодающие мужики, земские начальники, жандармы, полицейские, сельские священники, непременно, по словам писателей, обремененные многочисленным семейством... А дальше что? Вот Орел, один из самых коренных русских городов, — хоть бы его-то жизнь, его людей узнать, а что же я узнал? Улицы, извозчики, разъезженный снег, магазины, вывески, — все вывески, вывески...»

При всей абстрактности Орла в романе Бунина, он, тем не менее, имеет черты, по которым можно узнать реально существовавший город. Человек здесь, несмотря на свою безымянность, целостен и самоценен. Даже нищий является героем своей жизненной драмы, и на нем сосредотачивается внимание повествователя: «под фонарем гнулся, запустив руки под мышки, по-собачьи глядел на меня, по-собачьи весь дрожал крупной дрожью и деревянно бормотал «ваше сиятельство!» стоявший прямо на снегу босыми красными лапами золоторотец в одной рваной ситцевой рубашке и коротких розовых подштанниках, с опухшим угреватым лицом, с мутно-льдыстыми глазками».

Бунин не случайно показывает социальные контрасты провинциального города, его нищету и зеркальные витрины магазинов. Герой романа здесь не встроен в систему социального успеха: «в чужом фраке», «в какой-то странной роли при редакции». С одной стороны, это дает свободу, простор для самоопределения, возможность почувствовать себя писателем («Я шел вниз по Болховской, глядя в темнеющее небо, — в небе мучили очертания крыш старых домов, непонятная успокаивающая прелесть этих очертаний. Старый человеческий кров — кто об этом писал?»).

С другой стороны, как вспоминала В.Н. Муромцева-Бунина, «в Орле в эти годы ему порой бывало невыносимо тяжело». А вот отрывок из романа — разговор Алексея Арсеньева с Ликой: «хотел заразить ее своим беспощадным отношением к окружающему и с отчаянием видел, что выходит нечто совершенно противоположное моему желанию сделать ее соучастницей своих чувств и мыслей. Я однажды сказал:

— Если б ты знала, сколько у меня врагов!

— Каких? Где? — спросила она.

— Всяких, всюду: в гостинице, в магазинах, на улице, на вокзале...

— Кто же эти враги?

— Да все, все! Какое количество мерзких лиц и тел!..

— Как тебе не совестно! — сказала она с брезгливым сожалением. — Неужели ты, правда, такой злой, гадкий? Не понимаю я тебя вообще. Ты весь из каких-то удивительных противоположностей!»

Фразы «хочу уехать», «гонят из Орла» не редкость в сохранившихся письма тех лет: «Она говорит, чтобы я уезжал, нашел место...» (май 1892 года), «Гонят меня опять из Орла... “Поезжай, ищи”... Что? У кого?» (июль 1892 года)... Редактор «Орловского вестника» Н.А. Семенова писала старшему брату Юлию Бунину в августе 1892 года: «И.А., по свойственному ему отсутствию характера, раскис и не знает — что делать. А, по-моему, делать ничего более не остается, как ему уехать отсюда и, конечно, лучше всего к Вам».

Расставание с Орлом оставило глубокий след в душе будущего писателя. Однако

сам ход времени показал, что это расставание было неизбежно. В 1924 году Бунин написал рассказ «Товарищ Дозорный», первую часть которого вполне можно считать этюдом к «Жизни Арсеньева». Вспоминая о знакомце своей юности, автор переносит действие в осень 1919 года, в абстрактный город К. с вполне узнаваемыми орловскими чертами: «В ледяной солнечный день я шел однажды на главную улицу. Прошел мимо собора, глядя на голый городской сад, черневший напротив него, потом пошел по тротуару вдоль бывших присутственных мест, увешанных красными флагами. Перед этими присутственными местами тянется площадь и идет дорога под гору, к мосту через реку...

— Никололай Николаевич, ввы? — слегка задохнувшись, быстро спросил он меня и до глаз залился алым румянцем.

И, не дав мне ответить и мучительно заикнувшись, прибавил:

— Йя Костин-Дозорный... И наслышан про вас... Так что уж — простите!

И обернувшись к двум башкирам, с винтовками в руках сидевшим на машине, крикнул, вбегая в подъезд:

— В ссад!

Меня скорым шагом, даже не обыскав, провели через площадь в сад, а через сад — к обрыву над речными обрывами и крикнули:

— Задом к речке!

Я стал и, мгновенно выхватив револьвер из кармана зипуна, в упор ударил в ногайскую рожу, стоявшую слева, и тотчас же задом упал с обрыва. Вторая рожка выстрелила по мне, потом сдуру кинулась назад за подмогой. Я сломал себе руку, а все-таки ушел».

В сцене расстрела — ключ к пониманию идейного смысла автобиографической прозы Бунина. После «Окаянных дней» он не мог оставаться простым мемуаристом и бытописателем. Его проза социально, политически заострена, в ней чувствуется ток высокого напряжения: почему мы потеряли Россию, почему оказались в изгнании? Но в этом хронотопе далеко не все подчинено актуальной политической повестке. Есть и «топос» куда более масштабной системы временных координат. Это топос реки (реки времени) — она «уносит, переносит вдаль, в вечность». Напомним, что река является одним из символов загробного мира, разделяя мир живых и мертвых.

Не случайно в романе буквально в самом начале «городского повествования» есть такая фраза: «Но совсем не до мудрости было мне в ту теплую ночь в Орле с этой полковой музыкой, порой доносившейся ко мне из-за реки то своей певучей томностью, то печально-восторженным грохотом...» В повествовании река предстает довольно абстрактным объектом, без конкретных, осязаемых характеристик. И все же некоторые сравнения можно легко найти. Разве не перекликаются финальные строки «Товарища Дозорного» с началом стихотворения Семена Надсона 1879 года «В тени задумчивого сада, / Где по обрыву, над рекой...»?

А вот образ реки из стихотворения Бунина начала века «Запустение»:

Домой я шел по скату вдоль Оки,
По перелескам, берегам нагорным,
Любуясь сталью вьющейся реки...
Печален долгий вечер в октябре!
Любил я осень позднюю в России.
Любил лесок багряный на горе,
Простор полей и сумерки глухие,
Любил стальную, серую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
В дали лугов, широкой и пустынной,
Мне навевала русскую тоску...

Даже цивилизационная катастрофа не смогла разрушить поэтику воспоминаний автора «Жизни Арсеньева» о юности: «Целая жизнь прошла с тех пор. Россия, Орел, весна... И вот, Франция, юг, средиземные зимние дни». Литературовед О.Н. Михайлов сочувственно писал: «Только мысленно, только в творческом “сне” мог вернуться Бунин к родным берегам. Он пытается “одушевить в слове прошлое”. Но перед нами не собственно воспоминания, а художественное произведение, в котором давние события и факты преобразованы, переосмыслены».

Уместен вопрос: почему в романе «Жизнь Арсеньева» столь много критических, негативных оценок провинциального Орла? На самом ли деле город был столь отсталым и захолустным? Для сопоставления можно привести две цитаты, где говорится о соседних губернских центрах. Так, В.Н. Муромцева-Бунина вспоминала о впечатлении, которое произвела Тула на Бунина: «Тула не понравилась ему, он называл ее “пустым и голым городом”». Описание Курска из романа: «Напротив, за барьером платформы, высятся метлы голых тополей, за тополями, на мерзлой булыжной мостовой, ждут седоков захолустные извозчики, вид которых без слов говорит о тоске, о скуке того, что называется Курском».

«Сниженность» образа губернского Орла в романе, вполне объяснимая идейными установками автора, выглядит довольно субъективной при рассмотрении реалий повседневной жизни тех лет. Орел рубежа XIX и XX веков — один из крупных, наиболее значимых городов Российской империи: 30-й по численности населения (перепись 1897 года). Более того, в границах современной России Орел занял бы 13-е место. Значимость города определялась не только его выгодным географическим положением, объемом производства или количеством населения. В Орле — городе интеллигенции, дворян, военных, купцов — жили активные, самостоятельные граждане, без которых любая идея так и осталась бы только идеей.

Подъем общественного настроения в Орле сопровождался реальными шагами по обустройству города, развитию общественного самоуправления и благотворительности. В 1880 году создана частная женская гимназия, в 1884 году на средства купца А.И. Хлебникова открыто женское начальное бесплатное училище, в 1891 году устроен Дом трудолюбия для «временного призрения бесприютных бедных». В 1887 году создана оспенная лаборатория. В 1888 году развернулось строительство нового городского водопровода. Медицинское общество открывает родильный приют для бедных рожениц (1893), появилась частная школа кройки и шитья (1893, с 1895 года — училище), учреждено Общество вспомоществования бедным учащимся (1896).

Динамичным был процесс создания структур гражданского общества: Петропавловское православное братство (1887), комитет народных чтений (1887), Орловское вольное пожарное общество (1888), музыкально-драматический кружок (1889), частная рисовальная школа (1889), общество любителей изящных искусств (1894), шахматное общество (1894), общество покровительства животным (1894), Тургеневская бесплатная читальня комитета народных чтений (1894), ветеринарное общество (1895) и т.д.

Наверное, кто-то из прозаиков того времени мог бы написать другой роман об Орле — например, о людях с активной жизненной позицией, предпринимателях или революционерах, о педагогах, занимающихся общественной деятельностью... После революции этот тематический вектор, видимо, потерял свою актуальность. На первое место вышла ностальгия. Не случайно Владимир Вейдле отмечал в 1954 году особенность творчества Бунина: «если бы некоторые поздние рассказы, а особенно «Жизнь Арсеньева», были написаны, скажем, в 1912 году, так к ним бы не отнеслись: сразу почувствовали бы их небывалость». А вот мнение Федора

Степуна: «бытовые мелочи уходящей России, оживая под пером Бунина, как бы перерастают самих себя и дают очень сложную и очень правдивую картину России».

О.Н. Михайлов, отмечая сходство романа Бунина и романного цикла М. Пруста «В поисках утраченного времени» (1909–1922), обратил внимание и на отличия: «Если Пруст описывает механизм человеческого восприятия, то для Бунина главным остается отражение самой чувственности». Пруст, по словам Михайлова, рационалистический, логический, тогда как Бунин «эмоционально, импрессионистично пытается передать души вещей и явлений».

Образ губернского города в романе Бунина «Жизнь Арсеньева» несет приметы времени и вечности, охраняет память читателей от утраты общности с Родиной, рождает чувства сопереживания и любви к миру.

